

«ЭХ ВЫ, ЛЮДИ...»

Юрий Николаевич Мещанинов родился в 1963 году в селе Елшанка Первая Бузулукского района. Окончил Оренбургский государственный педагогический институт. Работал учителем в сельской школе, директором школы. Руководил Бузулукским литературным объединением. Работал журналистом в газетах «Южный Урал», «Яик», «Московский комсомолец». В настоящее время работает главным редактором газеты «Оренбуржье». Печатался в газетах «Комсомольское племя», «Южный Урал», в альманахе «Гостиный Двор», журналах «Дон» и «Москва», коллективных сборниках «Пятеро под одной крышей», «И с песней молодость вернётся», «Они прилетят», «Помнит мир спасённый». Член Союза писателей России. Лауреат областной литературной премии им. С. Т. Аксакова (2019) и региональной литературной премии имени П. И. Рычкова (2019).

Тучи над полинявшим Васькой сгущались задолго до того, как решили, что завтра его отвезут. Старый надменный котяра, правда, и сам давал поводы не любить: мышей ловить брезговал, а дома по-прежнему чувствовал себя главным. Бывало, хозяйка, раздобревшая к седьмому десятку Люба, когда никого нет, решит прилечь на диван, так Ваське тесно кажется, начинает лапами сталкивать её на пол.

Тут сын Игорь перевёз, наконец, из города жену Людмилу, а та с котом — глупым Барсиком, употреблявшим еду только из пакетиков. Барсик лез к старшему играть, но Васька бил его лапой и даже раз расцарапал молодому наглецу мордочку. Сношенька Людмила заахала, слетали с мужем в город за настойкой и даже ночью вставали, чтоб Барсику мордочку протереть. С тех пор Игорь всё чаще склонял мать сбить нахлебника.

— Толку от него никакого, да и лет-то ему — вы не ровесники ли?

— А уж не собираешься ты и меня с ним спровадить? — возразила Люба, понимая, что рано или поздно старого кота придётся сдать.

Кот не мог не замечать изменившегося к нему настроения, но по-прежнему ходил по дому хозяин хозяином. Правда, перестал появляться к обеду и на ужин. Раньше-то только услышит стук ложек, он уж на полу у стола сидит. Любил есть семейно, даже как-то раз со своей едой пришёл, но хозяйка забрезговала мышом, веником на совок — и на помойку выкинула ценный продукт. А последний раз вышел Васька, увидел, как Людмила — новый и совсем непонятно для чего заведённый в доме человек — усадила на колени балованного, с позорным бантиком на шее кота, и презрительно удалился на улицу под сирень.

Была попытка устроить Ваську на работу. Тёсть Сергей Петрович дал Игорю денег — подарок на свадьбу, чтоб тот выкупил пустующее в селе кирпичное здание и оборудовал там продуктовый магазинчик. Крупнолицый, дородный и хлопотный Сергей Петрович то и дело подкидывал зятю продукты, срок хранения которых вот-вот истек. Сельские, мол, на дешёвку кинутся — и всем польза. Вот Ваську и отвезли на склад пугать почуявших наживу мышей. Кота

беспардонно бросили за дверь, оставив в кромешной темноте. Поначалу он думал устроиться в тишине и прохладе, но, видно, задело это вот беспардонное отношение к себе — за шкурку и в машину, за шкурку и за дверь пахнущей пылью кладовки.

Игорь приехал домой из города на обед, а кот его встречает у порога, усердно соскрябывая лапой со лба паутину.

— Вот трутень, жлоб настёрный! — зло запустил в него шлёпанцем Игорь, даже передумав обедать. — Завтра в Самару на базу еду — с собой заберу, — предупредил из-за порога.

Мать тут же шутливо отозвалась:

— База-то ему по статусу, а то нашёл куда сажать — в глухую кладовку. Третьего дня так испугал меня, думала, преставлюсь. Сплю и слышу храп мужской. Вася так храпел, царствие ему небесное. Ну, думаю, пришёл навестить упокойничек, глаз боюсь приоткрыть, явно же так храпит. Открываю глаза — там и вправду Васька. Лежит, лобастый, как человек, головой на подушке и храпит что есть мочи под ухо. Так ещё и не стонись. Ушёл недовольный и, подлец, отместил ведь — утром тапок надеваю, а он нагадил туда, — вышла Люба за порожек следом за сыном и доверительно шёпотом продолжила: — Людочка-то целыми днями с музыкой в ушах да за компьютером, пусть в огород выходит помогать. Трава-то

прёт и прёт, не укладываюсь я, да и устаю. Сегодня поливать надо.

— Её это дома не заставляли делать, не хочу, чтоб тестю пожаловалась. Огород — вчерашний день, всё из магазина привезу.

— Так проще — в магазин с огорода возить, чем наоборот-то...

— Ты вот... — занервничал, раскрасневшись, суетливо махая ладонью, Игорь, а тут кот вышел на порожек потянуться. — Ты вот готовь своего лоботряса в дорогу.

Вечером Люба пришла вместе с Васькой с посиделок от двора, выжидающе устроилась в кресле за спиной у сына.

— Бабки-то говорят, чего мочиться, всё одно коту подыхать скоро, вон иди на речку да подвесь на клёне. А то ведь жалко, старый, как он там мыкаться будет?

Игорь готовился за компьютером к поездке в Самару: заполнял накладные, подбивал, сколько денег с собой брать. Денег всё время не хватало, даже материнская пенсия уходила на закупку товара.

— Может, они воруют у тебя, — случалось, отдавая пенсию, доверительно предполагала Люба, боясь, что сын заподозрит, будто ей жалко для него денег. — Продавцы-то воруют, чай. Надо проверять их. А то как в прорву: и

сам всё туда несёшь, и мои копейки. И всё мало. Да вот жаловались соседи, еда и пиво-то особенно просроченные. Чего он суёт некондицию, на тебе, боже, что нам негоже.

— Мама, средства в обороте, это бизнес, — неясно отвечал, беспомощно разводя руками, Игорь, и по неуверенности в голосе, какую Люба определяла ещё с детства, она понимала, что оборот этот не кончится. Не дошло бы до её смертных.

Игорь в свои двадцать три года был расчётлив, как старичок, говорили, в отца. Но случается, когда внешняя расчётливость не идёт на самом деле в пользу. Всё равно он давал промашку, и его обманывали. Игорь всегда долго обдумывал, прорабатывал варианты и чувствовал себя в эти моменты бывалым, умным. Громоздкий тесть Сергей Петрович его похваливал, но как-то насмешливо. Игорю это и нравилось, и не нравилось одновременно. Вот не похлопал бы со вздохом по плечу — совсем бы другое дело.

Игорь помнил, как шоферивший отец, приехав на обед, расправился с приблудившейся собакой, в одночасье задушившей пять кур. Её пригрели, поросычьей болшутки давали, а она, оставшись без присмотра, оказалась предательницей. В сердцах отец утащил жалко скулившую суку на речку. С работы пришёл затемно, пьяный, голову не

поднимая, то и дело жаловался, непритворно плача и всем надо-еда: «Игорёк, прости меня, у тебя ведь отец — убийца. Люба, прости подлеца, у тебя муж — убийца...» «Простодыра ты и хлюпик, — отрезала с презрением тогда Люба, не переносившая слабости, кур-уток всегда сама рубила без жалости, свиной помогала разделять резаку. — Они для того и заведены».

Помня слова матери, отчитавшей слабого отца, умершего рано, сразу после ухода на пенсию, Игорь, закончив дела с накладными, вышел на кухню, сказал Любе, потягиваясь после долгого сиденья за компьютером:

— Кошки подыхать из дому бегут, вот мы ему и поможем.

Утром Люба не встала провожать сына, слышала, как коров прогнали с овцами на пастьбу, потом он уехал.

***

Барсик весь день так занятно играл, что про Ваську и не вспоминалось.

Игорь приехал затемно. Пошёл в баню скупнуться, с самого утра марило, видно, перед дождём. Потом, не поужинав, открыл полторашку с пивом. Мать молчала, ожидая удобного момента.

— Чо жа?

— Чо жа, чо жа, — сердито передразнил. — Ничо жа. Пять тыщ не хватило. Приехал, а цены на базе другие. Все накладные перedelывал на ходу. У Витьки

Полубоярова занял. Завтра надо отдать.

— Ба, — с испугом протянула Люба, присев напротив сына, закусив уголок платка. Она знала, что когда Игорь кричит, на самом деле не сердится, а просит совета или сочувствия. — Где ж взять-то? Занять у кого.

— У всех уже перезанимал... — опустил глаза, исподлобья, как щенок, которого бьют, а он скулит и нападает на обидчика одновременно, посмотрел и попросил: — Мам, ты мне свои дай, я через неделю отобью.

Любу будто прострелило; знала ведь, что до этого дойдёт, даже репетировала, как возражать станет, а отказать не сумела, куда твёрдость делась?

— Ты только, сынок, меня, как Ваську, не сдай... Вот ведь бизнес-то, догола разденет, по миру пустит. Может, пора закрывать, пока вовсе-то в голь не превратились.

— В обороте столько денег, столько товара, — обнял, прижал мать растроганный Игорь, а та, выждав, когда сын поуспокоится, высказала-таки:

— Людушка-то пусть завтра в огород выходит помогать. А то я ей разбор устрою. Одного-то бездельника на базу свезли...

Сноха на следующий день уехала в больницу и осталась у родителей. Сын привёз с базара узбекскую длинную дыню, весёлый, разговорчивый. Нарезал крупные ломти, в руках не удержит. Люба про себя выговорила

ему: за смертное небольшая благодарность.

— Васька у нас дыни больно любил, — отведав скользко-сладкую мякоть, вздохнула Люба. — Всегда первую пробовал. Ночевал около них. Утром встаёшь, как только Господь помогал ему, с крыльца видно — дыня заедена... Ты, сынок, всё же продавец-то попроверь. Сказывают, Обломова нечиста на руку.

— Тестя попрошу, чтоб мне бухгалтера или товароведа дал толкового.

— Вот только чтоб не списанного какого, как товар, а вправду толкового. Это дело. Сношенька-то надолго мигрировала?

— Ну, мама, ей же рожать скоро.

— Смотри, чтобы не переволновалась... Она, может, и не на сносях вовсе, жиру накопила сидючи. Приехала-то как глиста, одни глазищи.

Замолчали, чтоб не доводить до размолвки, да и спать пора.

Ночью Люба услышала, как сын заворочался, и вдруг громко, на весь дом, вздохнула:

— Не по-человечьи мы с ним... Он ведь тогда спас нас. Зимой голландку натопили, трубу рано прикрыли и спать легли. А уголь, видно, не прогорел добром, угар пошёл.

Люба встала, в задней огляделась, позёвывая, и вышла во двор по малой нужде, разбередив весь сон.

На обратном пути, проходя мимо спальни сына, приостано-

вилась, пытаясь понять, спит ли.

— Когда кот-то спас вас?

— Ты, наверно, на первом курсе учился, — зевнула мать. — Я с краю на кровати лежала, вдруг Васька вредно так завизжал, прыгнул на меня и всю щёку окорябал. Отец сказал, не больно бы было, ты бы и не проснулась. Кое-как на карачках из дому выбрались. Отец вперёд ползёт наружу, а я следом. Поверишь иль нет, с трудом дверь открыл входную — зимой примерзает у порога. А в сенцы выползти силы-то и нет. Он кое-как перебрался да меня за руки через порог выдернул, что твою щуку из проруби. Лежим на холодном полу голые и ничего не чувствуем. А Васька на подловку взобрался и сутки оттуда не показывался, думали, окошел. На второй день пришёл и с ходу вот такую крысищу поймал, — Люба отрубил ладонью себе чуть не по локоть.

Игорь отодвинул занавеску, в ранних заревых сумерках увидел босую мать, опёршуюся для верности на спинку стула.

— Видно, от угара очумела, страх потеряла. У нас и крыс-то сроду не было. Наверно, погреться со свинарника прибрела...

— Я, мам, на следующей неделе опять на базу поеду, покличу его. Он голос-то мой узнает.

— Пошукай, сынок. А то не по-человечьи, пусть здесь, сколько отведено, живёт. Ему уж недолго.

***

Через неделю Игорь поехал на базу, на этот раз всё у него сложилось удачнее, но кота не нашёл. Проплутал по всем углам, по всем корпусам, местных спрашивал — никто Ваську не видел, значит, час его пришёл. Люба даже всплакнула, откинув надоевшего никчёмного Барсика ногой.

— Пусть сноха его в город забирает. Сама уехала, а этот здесь от еды нос воротит. Васька-то всё ел.

Игорь промолчал, перечить больно не от чего, смертное материнское не получалось вернуть. Тем более не мог перечить, потому что впереди давно забрезжила, а теперь проявилась с очевидной вероятностью предстоящая разлука. Людочка позвонила ему, когда тот был в дороге, выпалила, что давняя мечта её уехать в Европу, на берег моря, свершилась. Отец дал согласие на их переезд в Латвию, в приморский городок, где уже два года жила её подруга. Все эти два года Людочка жужжала про домик у моря, в европейской цивилизации, с видом на постоянное жительство. Игорь тешил себя мыслью, что Сергей Петрович не настолько богат, чтобы содержать хоть и за ближней, но всё же за границей целое семейство. А тут всё конкретно уже зазвучало: подружка присмотрела домик в дюнной зоне на побережье Вецаки. Хозяин Юрис

Балтгалис готов дать хорошую скидку. Видно, настырность дочки взяла верх.

Тесть бухгалтера никак не присылал, а в магазине воровство, это уж без проверки понятно. Денег в эту поездку на товар опять не хватило — пришлось заниматься у знакомого.

Ворочается опасно Игорю, боясь разбудить мать, у самого сна нет. Тут и не уснёшь. Гори всё синим пламенем, уехать, правда, за тридевять земель. Сколько знакомых давно за границей — и все как-то устроились, назад-то больно никто не возвращается. Один раз решиться — и всё. Только как матери сказать?

Вдруг почудилось, Васька мякнул. Совсем разгулялся Игорь, таращась в пустую темень дома, приподнялся на локте, вслушиваясь. Отдалённый зов глухо повторился. Игорь шумно встал, прервав храп матери. Она испуганно дёрнула головой:

— Что стряслось?

— Кот вроде.

— Приснилось. Ложись, не суетись. Сколько работы завтра, отдыхай.

Игорь лёг, но тут же подскокил:

— Да нет же, слышу, мяучит на крыльце.

— Вот незадача, — всполошилась вспотевшая от страха Люба и встала следом, сын уж везде свет понавключал.

Вышла в заднюю избу, спростонья зевая, плохо видя на свет.

Игорь зашёл возбуждённый, радостный, на глазах слёзы. В руках он держал бедного Ваську, которого было не узнать: на голове колочки, на боках сваялись колтуны, на месте белого галстучка зияла голая кожа, на ногах застывшая грязь, морда в болячках.

— Господи, — осела Люба безвольно на табуретку, будто её поймали за нехорошим делом. Всплеснула руками, слёзы и у неё потекли по щекам.

Люба взяла у сына с рук кота, молчаливо и устало поглядывающего на хозяев.

— Одни рёбра, доходяга, натерпелся. Как же мы с тобой!

Худого и еле передвигавшего ноги Ваську подсунули к миске, Люба достала из холодильника молока, но от волнения не смогла налить, сын перехватил банку. Васька ткнулся в миску, лакать не стал, подняв голову к Любе, словно просясь поговорить. Та взяла его снова на руки, стала потихоньку выбирать репейник, но он не поддавался, с шерстью отделяясь от кожи, видно, больно, и Люба бросила это дело. Глядя кота, она приговаривала успокоительно, нежно:

— Живи, сколько проживёшь, никто тебя, милый, не тронет.

Васька припал головой к её животу и, потираясь оцарапанной мордочкой, хрипло, безостановочно замурлыкал, будто жалуясь, как трудно было добираться до дома. Затихшая Люба терпеливо слушала этот горький

рассказ. Игорь нескоро увёл её, но, к удивлению, заснула Люба очень скоро, глубоко.

***

Наутро кота в доме не оказалось. Звали завтракать, но он не откликнулся. Игорь нашёл Ваську в сарае, уже окоченевшего. Решили похоронить его недалеко от яблони, где он любил сторожить, когда поспеют дыни.

И Люба, и Игорь весь день не находили, что сказать друг другу. Переживать из-за старого кота не принято, живность одна уйдёт — другая придёт. Вон Барсик растёт, ему в этот день ласки досталось на неделю вперёд.

Ближе к ночи заглянул под хмельком, в замасленной фуражке с пуговкой наверху, сосед Игнатич, попросил рюмочку. Он редко пил, но когда выпивал, три дня вычёркивал из жизни. Соседу никто поэтому не наливал. А тут Люба раздобрилась: выпей, мол, за помин кота. Игнатич обиделся такому повороту, демонстративно фуражку надел, его вроде на смех выставляют, а когда узнал историю, даже растрогался:

— Таких котов с салютом хоронить надо.

Сосед присел к столу, поднял уважительно стакан, и так же уважительно выпил, и закусил, не торопясь, холодной печёнкой, вроде как собираясь посидеть.

— Чо жа, место бригадира-то свободно ещё? — напомнила прошлый разговор Люба, встав

напротив и мирно сцепив на животе руки.

— Если для Игоря, пусть приходит. Я всегда слово за него замолвлю, а хозяин со мной считается. Я вот чуть покурюлесю, а потом всё строго.

Люба внушительно посмотрела на Игоря.

Допоздна мать с сыном сидели в эту душную ночь, у каждого свои чувства и воспоминания. Летом столько работы, что только ночами и видят друг друга, и наговориться могут. Игорь после каких-то раздумий вдруг засмеялся неуместно.

— Мам, знаешь, как тестя в конторе зовут? Хариусом.

Долго Люба не откликнулась, а потом расхохоталась, выискивая голыми ступнями тапочки под столом:

— Это потому, что личико такое худое да с усами?

Оба зашлись в смехе, привстав, обнялись, будто помогая друг другу освободиться от пут.

Гром сильнейший ухнул практически над крышей, утихомирил полуночников. Люба, раздумав идти во двор, пошла в зал разбирать постель. Ухало долго, гул уходил в поля. Словно из подземелья, жалобно доносились протяжные глухие взрывы, как будто рвало глубокие недра. По крыше громко пробарабанил налётом ливень, слетел в камыши у речушки и стал неслышным. Игорь тоже ушёл в зал, раскрыв

среднее окно. Через минуту-другую в дом забрался влажный, бодрый воздух.

Светало, серенький рассвет лениво разбавлял летнюю ночную мглу. Первый в селе петух сонно прогорланил и затих, как с испугу.

АДМИРАЛ КУЗНЕЦОВ

С годами в памяти остаются не только события, но и их «вкус». Переносишься во времени, и тебя охватывают давние чувства и переживания: стыдно за лишнее или несказанное слово, приятно за доставленную радость.

После нового, 1973 года нам, третьеклассникам, объявили, что станем учиться с детдомовскими. Елшанский детский дом был, наверно, самым большим во всём Бузулукском районе: в центре села издали видны длинные спальные корпуса, здание для занятий, прачечная, свинарник и гараж, около которого всегда стоял тупомордый ЗИС-150 с широкими мощными крыльями и высокими колёсами. Мы частенько с завистью глазели в щели забора, как пацаны помогают шофёру его ремонтировать.

Всех тамошних мальчишек и девчонок в селе называли детдомовцами. Их не выпускали за огороженную территорию. Иногда они убегали, беглецов ловили и наказывали.

Однажды поздно вечером брат с друзьями пошёл на школьную спортплощадку, примыкающую к забору детдома. Я увязался за ними. Старшие детдомовцы иногда нарушали режим и выходили на поле поиграть с сельскими в футбол.

В тот вечер на лавочке у изгороди скучал худощавый рыжий пацан. Брат сказал ему: «Здорово, пискля». Оказалось, за провинность «писклю» лишили ужина. Мы только успели рассесться, как из ворот детдома один за другим стали выбегать воспитанники. Крупная девчонка принесла провинившемуся какой-то кусок: «Держи, пискля». «Пискля», кажется, не обижался на кличку, ему то и дело подтаскивали куски, он их укладывал на колени. Вскоре «пискля» уже не мог есть, куски стали перепадать нашей компании. Достался и мне. Тогда я узнал, что такое бутерброд.

***

После Нового года ко мне за парту посадили маленького смешного белобрысого крепыша с испачканными чернилами пальцами. Детдомовцы писали ещё перьевыми ручками и носили с собой чернильницы. Это давало нам повод надменно смотреть на их приготовления к письму. Вовка Кузнецов, мой новый сосед, оказался нормальным пацаном. Он рассказывал на переменах разные истории о морских битвах. Зауважал я

Вовку сразу, как только увидел его тетрадь по математике с четвёрками и пятёрками. У меня-то иногда и троечки водились. На тетради не было ни одной кляксы, даже промокашка чистая. Я его не спрашивал, как он попал в детдом. Мне казалось вполне естественным, что эти дети живут одни. Да и чего их жалеть, они на всё лето уезжают в лесной лагерь отдыха, к тому же у них был свой духовой оркестр.

Однажды нам раздали тетради с проверенными домашними заданиями. Вовка раскрыл свою и тут же прижал кулачком, озираясь, не увидел ли кто. Весь урок он просидел хмурый, молчаливый. На перемене взял меня за руку:

— Ты говорил, у речушки живёшь?

Я кивнул, не понимая, куда он клонит.

— Она же сейчас бурная? До Самарки доходит?

— Ещё как! Сначала до Самарки, а потом в самую Волгу впадает, — ответил я с гордостью за свою речушку. — Вчера льдины тащило, чуть заборы с огородов не снесло.

— У меня к тебе большая просьба, — почти шёпотом сказал Вовка. — Только это должно стать нашей тайной.

Я кивнул и замер.

— Мне за домашнюю по математике тройку поставили. У меня никогда не было тройки. Я переделаю работу, а ты разорви тетрадь и брось в речку.

После уроков я прошёл мимо дома к мосту и, убедившись, что никто не видит, с каким-то торжественным чувством изо всех сил деранул Вовкину тетрадь, потом ещё и с удовлетворением частями стал рассеивать клетчатые обрывки по мутной бурлящей воде.

На следующий день первым уроком стояла математика. Вовка Кузнецов, прикрыв ладонью рот, доверительно спросил:

— Удалось?

— Уже к Волге, наверно, доплывает.

Вовка показал мне новую тетрадь с переписанной домашней работой. Но тут нашу суету заметила учительница Вера Ивановна:

— Много говорить стали, это к добру не приведёт. Вова, садись с Леной, а ты, Даша, пересяживайся на его место.

Я глазом не успел моргнуть, как в соседях за партой у меня оказалась девчонка. Это было худшее наказание. О том, что мы с Вовкой больше не будем говорить на уроках, Вера Ивановна и слышать не хотела.

Дашке переселение, кажется, понравилось. Она стала заботливо поправлять на парте мои учебники, то и дело приставать на перемене с глупыми вопросами. Пухленькая Дашка к тому же была очень исполнительной девчонкой и занудой. Если мы шли на экскурсию или в кино, после команды учителя встать парами и взяться за руки она хватала

меня за ладонь, а я с вредностью вытаскивал её, демонстративно пряча за спину.

— Сказали же взяться за руки, — простодушно возмущалась Даша, а я отворачивался, делая вид, что случайно рядом иду.

А Вовке стали докучать два моих одноклассника, которые были выше его на целую голову. Старые приёмчики: кнопки на скамейку, линейкой по уху. Он терпел, а однажды прямо во время урока схватил с парты чернильницу и запустил в обидчика. Вся вина, конечно, была на нём. Вовка не признался, почему это сделал. Потом только мне сказал, что они его маму оскорбили.

Между уроками мы ходили вместе, и обидчики к нему подступаться опасались. Только строили рожицы. Мой брат каждый день подходил на большой перемене и спрашивал, не обижает ли кто из старшеклассников. Меня поэтому никто не трогал.

***

Мы удачно окончили третий класс, ушли на каникулы и не виделись целое лето. Осенью, несмотря на то, что стали четвероклассниками, нас снова посадили с девчонками. Дашка на каникулах здорово поднялась и стала на голову выше меня. Такого унижения я не мог спокойно переносить и постоянно избегал её. Как-то после уроков в солнечный сентябрьский день

нас повезли собирать жёлуди для колхозной свинофермы. У детдомовских не было вёдер, и классный руководитель сказала, чтобы они бросали жёлуди в ведра тем, с кем сидят. Зная нудную обязательность моей соседки, я, как только слез с грузовика, быстрым шагом направился по дубраве в гору. Ждал, что полноватая Дашка отстанет. В спешке оглядываясь, видел, как торопливо, с трудом переступая, она поднималась за мной по склону. Я сам задыхался, но лез выше и выше, даже не подбирая желудей. И тут раздалось плаксивое:

— Юра, подожди!

Я прибавил шагу, не поворачиваясь, думал, все уже смеются надо мной. А Дашка всё громче кричала:

— Юра, Юра! Мне же в твоё ведро нужно жёлуди бросать.

Поняв, что это просто так не кончится, я вихрем скатился к своей соседке и зло пристыдил:

— Чего ты меня позоришь? Вёдер, что ли, мало? Бросай девчонкам свои жёлуди.

— Но нам же сказали... с кем сидишь.

Даша раскрыла над ведром ладошки, по дну звякнули крупные спелые жёлуди. Как мне показалось, на весь лес. Я нервно крутанул за ручку ведром, и вроде нечаянно высыпал жёлуди

на листву, и снова полез в гору. Зачем-то обернулся: Даша молча смотрела мне вслед, а потом стала собирать выроненные жёлуди. Почему-то стало её жаль. Сел на пенёк, ожидая, что она заметит и подбежит. Но Даша на меня больше не смотрела. А Вовка Кузнецов на жёлуди не попал: дежурил на кухне...

Детдомовцы пропали из нашего класса так же неожиданно, как и появились. Просто на следующий день мы, сельские, пришли на занятия, а их нет. С Дашей мы так и не помирились, не обменялись интересными историями с Вовкой Кузнецовым. Детдом закрыли, и все куда-то разъехались. Потом завезли других детей — с ограниченными умственными возможностями. С ними мы уже не общались. Лишь иногда смотрели через ветшающий забор на ржавеющий тупомордый ЗИС-150.

Недавно в моей родной школе после встречи учителя рассказали, что получили письмо от бывшего воспитанника детского дома. Он сообщил, что стал моряком и пишет книги. Одну прислал в подарок. А я снова вспомнил своих соседей по парте. Вовка Кузнецов, наверно, стал адмиралом, а заботливая Даша — счастливой матерью большого семейства. Я почему-то знаю, что так и есть.